

ПРОЛОГ

КОННОР

Десять лет назад

Водчатый мраморный потолок отлично отражает звук. Я как-то уронил на пол ручку, и все обернулись, словно на выстрел из пистолета.

Из-за царящей здесь полной тишины работать в Музее изящных искусств трудно. Я тут самый молодой посетитель, если не считать двух светловолосых мальчишек, которых молодая женщина — явно их мать — привела сюда во время занятий в школе.

Впрочем, эти двое точно предпочли бы оказаться сейчас в любом другом месте, даже подбигать какашки за собакой и то было бы интереснее. Даже за соседской собакой.

Но мамаша полна решимости. На вид она уже готова зарычать от раздражения: разговаривать с мальчишками — все равно что с кирпичной стеной, но женщина продолжает экскурсию.

— А это портрет короля Шотландии Роберта Первого, — монотонно читает она подпись под картиной. — Он известен тем, что...Тимми!

— Что? — Тимми не отрывает глаз от телефона. Я-то вижу экран, в отличие от его матери, и мне очевидно, что те красоты искусства, которые Тимми сейчас рассматривает, могут заинтересовать разве что пластического хирурга. Гормоны уже щекочут его чресла. — Мам, ну пойдем уже. Я могу просто погуглить все, что нужно для домашнего задания.

— Правда, мам, — хнычет его младший брат, которому еще не интересны девочки, но искусство уже надоело. — Ты обещала, что через два часа мы пойдем в «Макдоналдс», а уже прошло часов пять!

Этого быть не может, разве что они пришли в восемь утра, в чем я сильно сомневаюсь. Но мать уже почти готова поддаться на уговоры, и я решаю вмешаться, сам не знаю почему. Подвинувшись ближе, я прислоняюсь к бронзовому поручню, отделяющему посетителей от экспонатов, и протираю горло.

— Вообще-то ваша мама права: тут страшно интересно.

Мелкие смотрят на меня, как будто я сумасшедший, их мать бросает внимательный взгляд в мою сторону: я вроде пытаюсь ей помочь, но она меня не знает, и инстинкты мамы-медведицы заставляют ее насторожиться.

Но ей нечего меня бояться.

— Я серьезно. Посмотрите только на этого Роберта. Правда, его обычно звали Роберт Брюс. Забудьте про Храброе сердце, этот парень был крут, как яй... я хочу сказать, он был настоящий вождь и воин. Он дрался на мечах, выигрывал сражения против превосходящих сил противника и вообще стал королем всего на свете. Не знаю, как вам, а мне кажется, что это очень круто.

— Правда? — Тимми немного опускает телефон, и я киваю в ответ.

— Про него есть одна легенда. Больше десяти лет он боролся за свою корону и за независимость Шотландии, и наконец в битве при Баннокберне у него появился шанс окончательно избавиться от английской угрозы. У вражеской армии был численный перевес, но Роберт все равно повел своих воинов в бой. Во время битвы он остался один, его латы были разбиты, щит потерян. Его войско уже готово было бежать. У него остался только боевой топор. Внезапно английский рыцарь в полной броне поскакал прямо на Роберта, нацелив копье в его сердце. А теперь представьте себе, стоите вы в полном изнеможении, руки-ноги дрожат после чертовски тяжелого боя, и тут на вас прет что-то вроде средневекового аналога Железного человека на танке.

— Я б, наверное, обосрался, — говорит один из мальчишек. Я смеюсь в ответ:

— Я тоже. Но Роберт не отступил, он увернулся от удара и свалил английского рыцаря с коня. Здесь как раз нарисован этот момент. После такого подвига его войска опомнились, отбросили англичан и выиграла битву.

Мелкие слушают, затаив дыхание, а мамаша беззвучно произносит «спасибо». Я киваю ей и пожимаю плечами, обращаясь к мальчишкам:

— Это, конечно, не «Наруто», но мне кажется, даже круче, потому что этот парень был настоящий.

Я направляюсь прочь, но через пару шагов мамаша догоняет меня:

— Спасибо вам.

— Рад быть полезным, — шепотом отвечаю я, глядя на мальчишек, которые с интересом читают табличку под следующей картиной. — Я бы на вашем месте посоветовал Тимми поискать нужную информацию в телефоне, чтобы он поделился с вами и братом. У него голова и пальцы будут заняты, а вы меньше устанете.

Мамаша смотрит на меня восторженными глазами и спрашивает, не проведу ли я «личную экскурсию», но замужние дамы меня не интересуют. Моя цель — женщина в углу, которая наблюдает за этой сценкой, не забывая приглядывать за посетителями и экспонатами.

— Не могли бы вы помочь мне хоть немного, ну хоть десять минут? — настаивает мама мальчишек.

У меня нет лишних десяти минут, но я все же соглашаюсь и рассказываю им еще про две картины, включая ту, ради которой они пришли в музей. Наконец мамаша с явным сожалением заявляет, что им пора идти. Уходя, она оборачивается, еще раз беззвучно выговаривает «спасибо», а я киваю и небрежно пожимаю плечами, как будто это был пустяк.

На самом деле это не пустяк. Для меня, так сказать, открылась нужная дверь. Я и сам не смог бы спланировать все лучше. Чувствуя чье-то присутствие за спиной, я оборачиваюсь и обнаруживаю ту самую женщину, которая стояла в углу. Она улыбается:

— Bravo. Я так рада, когда кому-то удастся заинтересовать подрастающее поколение искусством. Вы волонтер? Или учитесь в ближайшей школе?

Дальше я могу все разыграть парой способов. Можно включить обаяние. Если бы я хотел, чтобы эта женщина сегодня вечером забросила ноги мне на плечи, выкрикивая мое имя, это был бы лучший способ.

Но хотя это очень заманчиво, сегодня у меня другая цель. Поэтому я чуть сжимаюсь и сутулю плечи, стараясь держаться на тонкой линии между застенчивостью и уверенностью в себе.

— Нет, просто мне нравятся старинные портреты, особенно кисти английских мастеров.

— Тогда вы слышали о предстоящей выставке? — Женщина явно готова посудачить вместе с таким же фанатом искусства.

Отлично.

— Жду ее с нетерпением. Страшно хочется увидеть картину Россетти своими глазами.

Я держусь слегка смущенно, словно мне неловко говорить о его знаменитой обнаженной Венере. На самом деле мне начхать и на Данте Габриэля Россетти, и на его картины, даже если это самый знаменитый экспонат передвижной выставки.

Что меня интересует, так это музейная подсобка, где находится то, что мне нужно.

— Надеюсь, что смогу прийти снова, когда здесь не будет толпы, — вздыхаю я. — Сами знаете, как трудно изучить картину и оценить все мельчайшие детали, когда кругом полно народа.

Женщина обводит меня оценивающим взглядом. Я стараюсь еще полнее вжиться в роль законопослушного любителя искусства в невзрачной толстовке, который и мухи не обидит. Поправляю фальшивые очки на переносице, неловко улыбаюсь и приглаживаю волосы, хотя

и знаю, что под гелем у меня с утра ни один волосок не растрепался.

Она минуту думает и слегка улыбается:

— Думаю, энтузиазм волонтера заслуживает небольшой награды. Идемте со мной.

Черт, все складывается даже лучше, чем я ожидал! Но, как известно, фанату искусства легче всего пробудить сочувствие у другого такого же фаната: они готовы часами трюндеть про каждый мазок на картине.

В принципе, я их понимаю. Они как автолюбители с их разглагольствованиями про машины и степень сжатия, или повара с их специями. Но, в отличие от них, я смотрю на все это без эмоций и вижу механику и детали процесса. Ими движет страсть, мною — нечто совершенно иное.

Я направляюсь за сотрудницей музея в задний коридор, делая вид, что понятия не имею, куда мы идем — как будто я не присмотрел заранее все пути отхода. На самом же деле я знаю план здания не хуже, чем заядлый геймер знает все уровни Halo. Поворот направо, и мы наконец подходим к той самой подсобке. Дверь закрывается, мы одни, и женщина благоговейно шепчет:

— Вот она.

Я прикрываю рот рукой, притворно ахнув. Передо мной Венера во всей своей великолепной наготе... если бы древнегреческая богиня оказалась молочно-бледной, рыжеволосой британкой (не забывая о полурелигиозных мотивах). Но я делаю вид, что передо мной величайшее создание человечества. После горячего бутерброда с сыром, разумеется.

— Она прекрасна.

— Невероятно, правда? — искренне соглашается женщина.

Я смотрю на картину, словно передо мной нечто волшебное. Согласен, это на самом деле одна из величайших картин. Мастерство Россетти и точность в передаче деталей, текстуры волос Венеры изумительны, и я понимаю, чем картина так притягивает людей. Я слегка поворачиваюсь, словно пытаюсь рассмотреть полотно под другим углом, а сам тем временем быстро оглядываю столы и стены.

Ага, я попал куда надо. Здесь собрали картины не для предстоящей выставки, а просто чтобы почистить и заменить рамы. Отлично, это означает, что исчезновение не вызовет вопросов. Все просто решат, что полотно забрал какой-то другой отдел.

Картина маленькая, не больше тетрадного листка, но ее ценность определяется не размером, а тем, насколько сильно ее хотят заполучить.

Пора приступать ко второй части моего плана. Я нажимаю приклеенную к груди кнопку блютуз-наушников. Телефон, спрятанный в моем заднем кармане, звонит на заранее запрограммированный номер. Через секунду в подсобке раздается звонок.

— Странно, — удивляется женщина. — Сюда никогда никто не звонит.

Она неуверенно смотрит на меня, понимая, что мне нельзя здесь находиться. Я широко развожу руки и демонстративно убираю их в карманы. Видите? Я абсолютно безобиден:

— Все в порядке, я никуда не двинусь и ничего не буду трогать. Просто...

Я оборачиваюсь к картине с блестящими глазами.

— Понимаю, — шепчет женщина. — Вернусь через секунду.

Она торопится к телефону. Отлично, секунды мне вполне хватит.

Одним быстрым движением я хватаю маленькое полотно со стола и засовываю плашмя под толстовку в специальный карман на спине, который пришил на случай удачи. Когда женщина возвращается, я внимательно рассматриваю подпись Россетти в углу картины.

— Извините, там повесили трубку.

Я выпрямляюсь, пожав плечами:

— Ничего страшного, я был только рад побыть наедине с богиней красоты.

Женщина улыбается, но тень сомнения не покидает ее лицо. Она вспомнила, что в ее обязанности не входит водить всяких помешанных на живописи чудиков в неохраемую часть музея. Мне пора уходить, что меня вполне устраивает — задание выполнено.

Почти выполнено. Осталось последнее... убраться без помех.

— Нам, наверное, лучше уйти, пока я не доставил вам неприятности? — негромко интересуюсь я, озираясь, словно кто-то мог зайти сюда, пока она отвечала на звонок.

— Да, пожалуй, так будет лучше.

— Понимаю. Спасибо, что показали картину. Вы сделали мой день. Может, даже месяц или год.

Женщина даже не представляет, насколько это точно, но в голосе ее снова слышится теплота:

— Вы же помогли тем мальчишкам, так что это справедливо.

Я отвечаю еще одной неловкой застенчивой улыбкой и иду за женщиной к главному выставочному залу.

— Еще раз спасибо.

Она уходит, а я неторопливо бреду по залу, задерживаясь, чтобы прочесть подпись под той или иной картиной, и стараясь не вызывать ни малейших подозрений. Перед выходом я снова вижу ту мамашу с ее двумя мальчишками, которые едят обещанные бургеры. Махнув им рукой, направляюсь прочь от музея.

Если они меня вспомнят, то как помешанного на живописи добродушного и дружелюбного чудика.

А не как парня, который только что стащил картину стоимостью в тысячи долларов.

ГЛАВА 1

ПОППИ

«Он взялся за набухший бугор в джинсах, сжав его, словно обещанное ей сокровище. “Сейчас я его в тебя засуну, — сказал он. — Тебе понравится”».

Блин. Я перечитываю предложение, с трудом подавляя рвотный рефлекс, и нажимаю на кнопку «Стереть». С минуту дышу ртом, пока желание блевать не проходит.

— Потрясающе. Четыре часа работы, и весь грандиозный результат — это пятьдесят слов? — Я еще раз проверяю счетчик. — Пятьдесят гребаных слов? Офигеть можно.

Надо признать, за последние минут пятнадцать я не написала и этого. Я стучу себя кулаком по лбу, пытаюсь не поддаться желанию стереть вообще все к черту. Текст ужасный, но хоть что-то я выдала. Что-то лучше, чем ничего.

Продолжая убеждать себя в этом, я встаю из-за кухонного «письменного» стола и иду к холодильнику, где беру одну из заранее приготовленных чашечек холодного черного чая. Очень хочется достать вино вместо этого, но календарик на двери

холодильника напоминает о приближающихся сроках сдачи книги.

Беспокойства мне и без того хватает. После успеха моей первой книги «Любовь в Грейт-Фоллз» я переоценила свои возможности. Когда издательство «Синяя птица» предложило мне сразу аванс за следующую книгу, я согласилась.

С тех пор я получила два чека и раз сто беседовала со своим агентом. Срок сдачи текста неумолимо приближается, так что, как говаривала моя двоюродная бабуля Ханна, сдохни — но сделай. Легко говорить, если тебя не мучает постоянный страх, что твоя вторая книга даже в подметки не годится первой.

Показываю календару кукиш, словно во всем виноват он, а не моя неуверенность в себе.

— Подстегни же себя, Поппи. Привет, крайний срок. — Я отхлебываю чай и бросаю взгляд на свой ноутбук. Тот смотрит на меня почти полностью белым экраном. — Или срочный край.

Так, если я начала разговаривать сама с собой, значит, крыша у меня уже поехала. Тихое твяканье с дивана напоминает, что у меня на самом деле есть с кем поговорить.

— Ну почему я не могу писать, как Джей Эй Фокс? — спрашиваю я диван и расположившихся на нем двух белых померанских шпицев.

Их зовут Орешек и Сок, они братья, и достались мне от соседки, которая внезапно обнаружила, что ее собачка вовсе не больна, а просто беременна. Я пообещала ей забрать одного щенка, но каким-то образом один превратился в двух самых жалких малышей из помета. Теперь эта парочка выросла в здоровых пушистиком, сильно

смахивающих на белые помпоны. Только большие, активные и шумные.

Орешек, который в эту минуту изо всех сил пытается сделать из братца сестричку, бросает свое занятие и смотрит на меня, улыбаясь собачьей улыбкой. Сок тоже смотрит на меня из-под Орешка пару секунд, а затем проводит прием ближнего боя и скидывает брата. Оба сваливаются с дивана и продолжают свою непрерывную шутиливую борьбу.

— С чего я решила, что от вас можно дожидаться совета?

Сок отпрыгивает от Орешка. Щенки, как всегда, не обращают на меня ни малейшего внимания. Я расправляю затекшие плечи, улавливаю вонь застарелого сыра от подмышек, и на меня снова накатывает тошнота. Я побыстрее прижимаю локти к бокам:

— Вот зараза, да от меня несет, как из сортира!

Это одно из преимуществ писательской профессии. Да, это именно преимущество. Можно сидеть здесь, пытаюсь уложиться в срок, и вообще не думать о личной гигиене. И, черт возьми, можно одеваться во что захочешь. На дворе декабрь, и мне хочется закутаться в теплый халат? Да пожалуйста. А если в июле мне вздумается сесть за работу в одних трусах — тоже не проблема.

Но раз уж от запаха начинает тошнить, наверное, пора подумать о хоть каком-то уходе за собой. «Не отвлекайся, — мысленно уговариваю я себя. — Ты и так отлыниваешь от работы, тебе же не на свидание идти».

Так-то оно так, но Орешек и Сок уже поглядывают на меня с явным отвращением, так что придется помыть хотя бы стратегические места — под

мышками и между ног. Знаете, когда тебя уже сторонятся даже собаки, которые здороваются, обнюхивая зады друг друга...

К тому же мне предстоит писательская встреча в библиотеке. Если собаки воротят от меня носы, то мои приятельницы просто зальют меня с ног до головы дезодорантом. Алерия как-то раз именно это и сделала, я потом несколько дней чихала. Противным голосом жрицы вуду она провозгласила, что так мое тело избавляется от токсинов. Но я уверена, что единственными токсинами были тот вонючий дезодорант и пицца-роллы, которыми я перекусила в тот день.

Впрочем, все это не важно. Если я не продвинусь в работе над книгой, мне кранты. Я со смехом думаю, что в этом случае вонять от меня будет еще хуже, но подобная мысль не прибавляет уверенности, и уж точно это не комплимент.

Я возвращаюсь к столу, но тут звонит телефон. Бросаю взгляд на экран, и сердце екает, когда я вижу, кто это. Как говорится, помяни черта... Звонит Хильда, мой литературный агент.

Мне не хочется отвечать на звонок. Хильда очень милая, но вряд ли ей понравится, что всю последнюю неделю я впустую барабанила по клавиатуре. Но ничего не поделаешь, придется сказать ей, как обстоят дела.

— Хильда, привет! — нервно отвечаю я. — Как ты?

— А как поживает моя любимая писательница? — осторожно, но не без оптимизма осведомляется она. — Наверное, уже почти готова обрадовать нас следующим шедевром?

Я тру лоб, надеясь чудесным образом пробудить мозги, но ничего не выходит:

— Э... ну, в общем... у тебя когда-нибудь бывал запор целую неделю? Знаешь, когда тужишься, тужишься и никакого результата? Просто ноль на выходе. Вот у меня сейчас вроде того... только с книгой.

Да, мне говорили, что у меня просто дар владения словом.

Хильду тоже проняло, судя по явно слышному «фу» в ее голосе:

— Какая гадость.

Я жду продолжения.

— Слушай, Поппи, срок сдачи книги приближается. Я могу успокоить издательство на какое-то время, если у тебя дело сдвинулось. Но ты мне уже два месяца ничего не показывала.

— Знаю.

— От этой книги многое зависит, — продолжает Хильда, будто я этого не понимаю и не твержу себе всякий раз, когда застреваю. — Репутация — это самое дорогое, что у тебя есть. Издательства всегда готовы работать с автором, который регулярно выдает результат, но если ты их подведешь, они в конце концов откажутся от тебя. Сама понимаешь, что это значит.

Ну спасибо. Можно подумать, она открыла мне глаза.

— Хиль, ты же знаешь...

— Но у меня есть приятная новость, которая должна помочь. Она заставит тебя выйти из дома и придаст вдохновения, чтобы ты разделалась с этой книгой в два счета.

— Что?

Морковка, которую Хильда подвесила перед моим носом, заставляет насторожиться. Не то чтобы я ей не доверяю, но понимаю: она пойдет